

ИНОГДА, ЧТОБЫ НАЙТИ ПРИЧИНУ ЖИТЬ,
НУЖНО ЗАБРАТЬСЯ НА САМУЮ ВЕРШИНУ ОТЧАЯНИЯ

ЛОРИ
ЛАНСЕНС

The background of the cover is a stylized illustration of a mountain landscape at sunset or sunrise. The sky is a gradient of orange and yellow, with a large, bright sun or moon in the upper right. In the foreground, a dark silhouette of a person's head and shoulders is visible on the left, looking out over the landscape. On a rocky outcrop, four small figures of people are standing, looking towards the mountains. The mountains in the background are layered and colored in shades of orange and red. The title 'ПЯТЬ ДНЕЙ В ГОРАХ' is written in large, bold, red Cyrillic letters across the center. At the bottom, there is a yellow triangle with an exclamation mark, and a list of statistics in yellow text: '5 ДНЕЙ', '4 ТУРИСТА', and '3 ВЫЖИВШИХ'.

ПЯТЬ ДНЕЙ В ГОРАХ

5 ДНЕЙ
4 ТУРИСТА
3 ВЫЖИВШИХ

Территория лжи

Лори Лансенс

Пять дней в горах

«Азбука»

2015

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)-44

Лансенс Л.

Пять дней в горах / Л. Лансенс — «Азбука»,
2015 — (Территория лжи)

ISBN 978-5-389-34705-2

В день своего 18-летия Волф Трули поднимается на фуникулере на вершину горы неподалеку от Палм-Спрингс в Калифорнии. Его цель – покончить с собой, спрыгнуть в пропасть с того самого места, где год назад произошла трагедия с его лучшим другом. Но по пути он знакомится с семьей из трех женщин: бабушкой Нолой, ее дочерью Бриджет и внучкой Вонн, и эта встреча меняет его судьбу. Волф соглашается проводить дам к горному озеру, но они сбиваются с пути. Из-за ухудшения погоды группа оказывается в ловушке на горном хребте. Пять дней без еды, воды и крова над головой... Спустя много лет взрослый Волф рассказывает эту историю сыну Дэниелу, открывая правду о том, какую цену ему пришлось заплатить за собственную жизнь.

УДК 821.111(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-389-34705-2

© Лансенс Л., 2015

© Азбука, 2015

Содержание

До	7
День первый	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лори Лансенс

Пять дней в горах

Максу, Таши,>Addаму, Эндрю, Хлое и Нейтану

Lori Lansens
THE MOUNTAIN STORY

Originally published in Canada by Knopf Canada
Copyright © 2015 LLMT, Inc.
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *The Bukowski Agency Ltd* и *The Van Lear Agency*

© П. А. Смирнов, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Дорогой Дэниел!

Человек должен немного пожить, чтобы оценить историю о выживании. Так я всегда говорил и обещал, что, когда ты вырастешь, я расскажу тебе свою. Это история не для детей, но и ты уже больше не ребенок. Сейчас ты старше, чем был я, когда заблудился в горной глуши.

Пять дней на ледяном холоде без еды, воды и крова. Эта часть тебе известна, и ты знаешь, что я был с тремя незнакомками и что не все выжили. Случившееся там изменило мою жизнь, Дэни. А когда ты прочитаешь эту историю, она изменит и твою.

Трудно понять, когда сын готов узнать правду о своем старике. В первый раз я едва не рассказал тебе всё в вечер твоего выпускного в средней школе. Потом – на твой четырнадцатый день рождения, на пятнадцатый и на каждый последующий. Ты имел право это знать, но это всегда оказывалось не так просто. Чтобы понять, что произошло на горе, ты должен знать, что было до этого.

Помнишь, прошлой весной мы ездили по колледжам? Мы ехали по темной грунтовке на окраине Блумингтона, и я едва не сбил оленя. Помнишь, нам пришлось остановиться на той стоянке для дальнобойщиков, потому что меня всего трясло? Олень остался цел, а ты не понимал, почему это происшествие так потрясло меня. Позднее, когда я успокоился и мы ехали по шоссе в сторону дома, ты спросил, убивал ли я живое существо – случайно или нарочно. Ты дал мне идеальную возможность в идеальных условиях – самые хорошие наши разговоры всегда происходили в машине.

Ты был готов. Я – нет. В тот вечер я понял, что никогда не смогу рассказать тебе всю историю. Во всяком случае, лицом к лицу. Если бы мне пришлось видеть, как ты ее воспринимаешь, я бы отредактировал, цензурировал, солгал – пошел бы на что угодно, чтобы не видеть, как тебе больно. Но ведь нет смысла рассказывать половину истории, верно? Еще хуже – рассказать историю, правдивую только наполовину.

Поэтому я ее записал. Я отпечатал ее так, как она приходила в мои пальцы, потому что это казалось мне самым честным. Она вышла длиннее, чем я думал... но и в каком-то смысле короче. Почему я выбрал именно этот момент, когда ты начинаешь учиться в Университете Индианы. С возрастом ты поймешь, что не бывает подходящего или неподходящего времени, хоть и кажется, что это не так. Есть просто время. В общем, будет лучше, если ты прочитаешь эту историю, пока учишься в другом городе. Тебе понадобится время, чтобы принять ее. И некоторое расстояние от меня.

Тот день, когда я с остальными заблудился, тот судьбоносный ноябрьский день, был годовщиной несчастного случая с Бердом. Год выдался тяжелым, и я думал, что хуже он стать уже не может. Потом Фрэнки, мой отец, напился на Хэллоуин и насмерть сбил на машине молодую пару. Мой лучший друг погиб, отец угодил в тюрьму за ДТП со смертельным исходом. Я остался один, и не с кем было поделиться своими планами. Не то чтобы я с кем-нибудь поделился бы планами подняться на гору, потому что в тот прохладный серый день, на который еще и пришелся мой восемнадцатый день рождения, я решил подняться на пик Ангела, чтобы сброситься с него.

Эту часть истории не знает никто. Даже твоя мать.

Мои спутницы в том или ином виде остаются со мной с тех самых пор, когда мы все вместе заблудились много лет тому назад: идут рядом, когда я выгуливаю собак, тихо сидят, когда я читаю в постели, направляют меня шепотом, когда я не могу найти дорогу, заглядывают мне через плечо все время, пока я печатаю эти страницы. Я буду скучать по их незримому присутствию.

Когда ты был маленьким, ты наблюдал за мной в моменты покоя и спрашивал, думаю ли я о горé. Почти всегда так и было. Ты спрашивал, снилась ли она мне. Снилась. И до сих пор снится, особенно в последнее время. Иногда я просыпаюсь в ужасе. Иногда с тоской по старым друзьям.

Твоя мать? Она всегда говорила, что не хочет знать все грязные подробности. Но все же мы оба понимали, что этот день наступит, и, когда ты дочитаешь, придется прочитать и ей. Боюсь, я держал историю о горе в неволе так долго, что она не выживет в дикой природе. Твоей маме хотелось бы, чтобы это уже произошло.

Вот она, Дэнни. Читая ее, не забывай наш семейный девиз: будет качать.

*С любовью,
papa*

До

Дом моего детства стоял на Олд-Дьюи-Роуд среди похожих маленьких дощатых домиков в старой грязной части городка Меркьюри с наветренной стороны от самого большого в Мичигане мусороперерабатывающего завода, и железнодорожные пути проходили так близко к нему, что я мог отличить пассажирский поезд от грузового по тому, как тряслось наше жилище. Через полгода после несчастного случая с моей матерью – мы называли это так – отец ненадолго протрезвел и покрасил весь дом внутри и снаружи в однотонный синий цвет. «Синий утопленника». Фрэнки сказал, что это дань памяти Глори. Ей нравился синий.

Фрэнки говорил, что я был слишком мал, чтобы помнить мать. Мне было четыре года, когда она умерла. Но я помню. Глори Элизабет Трули. В моем любимом воспоминании она одета в белое шелковое платье с рукавами «летучая мышь». Я никогда не видел его на фотографиях. Она стоит перед зеркалом в примерочной и улыбается нашему отражению, а за нашими спинами висит другое зеркало, открывающее мне нашу бесконечность. «Всегда», – говорю я. Моя красавица-мама смеется и говорит, что я умный, а потом нежно целует меня и подхватывает, начиная кружить в своих объятиях. При каждом обороте я вижу наше отражение. В этом белом платье Глори напоминает ангела.

Лучше всего я помню утра с мамой, когда я смотрел, как она собирается на работу (она была воспитателем в детском саду), пока Фрэнки (предприниматель) спал наверху. Мы разговаривали шепотом, пока она наносила макияж на свое милое личико и сбрызгивала кудряшки лосьоном с лимонным запахом. Прежде чем скрыться за дверью, она оборачивалась с улыбкой, потом прикладывала ладонь к сердцу, показывая, что я всегда остаюсь там, даже когда ее нет.

После ее смерти Фрэнки набил на предплечье ее имя – «Глори» – в виде радуги, выгнувшейся над словом «навсегда». Временами я думал, что было бы честнее, если бы татуировка гласила «Глори когда-то» или «Глори ненадолго», а еще лучше – «Прости, Глори».

Насколько помнится, я никогда не называл Фрэнки иначе чем по имени. Оно постоянно звучало в моих ушах. Обычно его кричали или невнятно бормотали незнакомцы, появлявшиеся и исчезающие в прокуренном синем доме. Мужчины, хлопавшие дверями и бывшие бутылки. Женщины, не умевшие готовить еду, которую я стал бы есть. Дети, которых я никогда не видел за игрой в настольные игры, которые не были моими. Помню, как-то Фрэнки кинул мне пачку жвачки и сказал: «Поделись с сестрами». Я оглянулся и увидел на диване за своей спиной пару рыжих веснушчатых девчонок, которых прежде никогда не встречал.

«Глори навсегда»? Ей было всего двадцать пять, когда она умерла. Фрэнки был старше на добрый десяток лет. Говорят, от матери мне досталась улыбка, но в остальном я – вылитый мой темноволосый отец. Помню, после урока об иммиграции во втором классе я начал расспрашивать Фрэнки о своем происхождении. Он сказал мне, что семья Глори приехала из Англии, когда она была еще совсем ребенком, а ее родители, оба – пожилые врачи, умерли от старости еще до того, как мама окончила педагогический колледж. Фрэнки предполагал, что он не пришелся бы им по нраву. Тогда мне пришло в голову, что, проживи родители Глори немного дольше, меня бы и вовсе не было на свете.

Когда я спросил о нашей семье с его стороны, Фрэнки замялся. Как и я, он был скрытен в том, что касалось его прошлого.

– По отцовской линии мы были Трулино до тысяча девятьсот тридцатых, но потом мой дед решил, что хочет носить более американскую фамилию, и поменял ее на Трули. В семье вышел скандал, и так мы оказались в Мичигане. Со стороны моей матери мы – франко-канадцы и индейцы-кри. Как-то к нам приезжали мои двоюродные братья из Квебека. Смуглые и подтянутые. Крутые. Я пошел в мать. Поэтому я такой скрытный и люблю ходить босиком.

Перед нашим синим домом стояло подгнившее кедровое крыльцо, с которого я мальчишкой прыгал с развевающимся полотенцем за спиной вместо плаща и кричал: «Я – Бэтмен!» или «Я – Супермен!», но, помню, как-то раз я потерял плащ и просто крикнул: «Я – это я!» Фрэнки стукнул ладонью по кухонному столу и заорал в открытое окно: «С таким самомнением тебе прямая дорога в Кливленд, Волф! В Кливленд и обратно!» Подбадривал он меня, издевался или бранил – я так и не понял до сих пор. Отец оставил меня – и всю мою жизнь – в состоянии изумления.

Однажды весной, когда мне было тринадцать, Фрэнки встал из-за кухонного стола.

– Теперь мы должны стать семьей, – объявил он, словно трагическая смерть моей мамы случилась десять дней, а не десять лет назад.

– Какой семьей?

– Мы переезжаем в Калифорнию. Этим летом.

– Ладно.

– Поживем у Крикет, пока не встанем на ноги.

Я никогда до этого не бывал в Калифорнии, и Фрэнки тоже. Я никогда не видел его сестру Крикет (Кэтрин) и даже не знал, что они близки.

Я понял, что Фрэнки влип в Меркьюри в какие-то неприятности: не смог вернуть долг или переспал с чьей-нибудь женой, подружкой, сестрой или матерью. Трудно представить, чтобы женщинам приглянулся безработный вдовец в грязной концертной футболке, но всегда находилось множество симпатичных девушек, готовых водить пальцем вдоль радуги на татуировке Фрэнки «Глори навсегда». «Я просто сочусь феромонами», – сказал он мне однажды, помахивая ладонями возле своих подмышек, словно предлагая мне понюхать.

Мы запланировали отправиться к Крикет в калифорнийскую пустыню в конце июля. Фрэнки был очень уклончив, когда я спросил, что будет с нашим крошечным синим домиком. (Позднее он признался, что проиграл его.) Он сгреб туалетные принадлежности Глори с превратившейся в святыню полочки в ванной – лосьон для волос с запахом лимона, мазь от экземы, непочатую пачку сосудосуживающего препарата против ее весенней аллергии – и выкинул все в мусорное ведро.

– Там, куда мы едем, нам это не понадобится, Волф, – сказал он, и я задумался, а зачем нам все это было нужно здесь.

В детстве я много времени проводил в общественной библиотеке Меркьюри. Фрэнки отправлял меня в читальный зал, рассудив, что это лучше, чем платить няне. Старшим библиотекарем была мисс Киттл, замкнутая брюнетка, которая, как и остальные библиотекари, еле меня выносила. Я не мог их в этом винить. Я воровал пончики с вечеров для престарелых, наводил беспорядок на полках и слишком долго задерживался в мужском туалете. И все же мне нравилась библиотека. Мне нравились книги. И особенно мне нравилась пухленькая мисс Киттл, от которой пахло ягодами.

За несколько недель до того, как мы уехали в пустыню, мисс Киттл удивила меня, окликнув по имени, когда я вошел в библиотеку.

– Волф Трули!

С мисс Киттл что-то было не так – щеки у нее порозовели, губы блестели, а густые темные волосы волнами ниспадали на плечи. Судя по выражению ее лица, она не собиралась меня ругать, что сбивало меня с толку.

– У меня есть кое-что для тебя, Волф, – сказала она.

Прежде мисс Киттл никогда не обращалась ко мне напрямую.

– И что же?

– Слышала, вы переезжаете в Санта-Софию?

Вблизи ее глаза были еще красивее.

– Там живет моя тетя Крикет, – ответил я.

– Я родом оттуда, – сказала мисс Киттл. – Мой отец все еще живет там. Я езжу к нему каждое лето.

– От Калифорнии далеко до Мичигана, – я почувствовал, что краснею.

– Пришлось переехать сюда, чтобы помогать ухаживать за Мим. Я скучаю по пустыне.

– А я буду скучать по зиме.

– А! – она подняла указательный палец, потом потянулась под стойку и достала большую тяжелую книгу. – Тебе не придется скучать по зиме.

– Правда?

– У тебя будет гора, – она протянула мне тяжеленный том. – «Гора среди пустыни».

Едва я увидел фотографию на обложке – снимок гранитного пика в обрамлении сосен, сделанный с вертолета, я понял, что с этой горой связана моя судьба. Подробности прыгали со страниц, словно трехмерное дежавю: вершина на высоте десяти тысяч футов, отправная точка поперечных горных гряд, сотни миль нетронутой природы, охотничьи уголья индейцев группы Агуа-Кальенте, место обитания снежных баранов, кугуаров, гремучих змей, количество осадков в десять раз больше, чем выпадает в пустыне у ее подножья, проливные дожди весной и осенью, метели зимой. Я никогда прежде не слышал об этом месте, но казалось, что я уже там бывал.

– Тебе стоит забраться на вершину, – сказала мисс Киттл.

– На вид довольно высоко.

– Большую часть пути можно проехать по канатной дороге, – она открыла книгу и показала фотографию на целую страницу. – Она поднимается почти вертикально. Гляди.

Так и было.

– Канатная дорога поднимает пассажиров от остановки «Пустыня» с климатом Мексики до остановки «Гора» с климатом севера Канады меньше чем за двадцать минут. От пальм к соснам.

– Класс... – выдохнул я.

– Оттуда можно подняться на вершину. Мне удалось только однажды, – призналась она. – Было облачно.

– Жаль.

– Может быть, попробую снова, когда этим летом приеду в Палм-Спрингс навестить отца, – сказала она.

– Попробуйте.

– Может быть, позову с собой тебя и твоего отца. Его ведь Фрэнки зовут? – она покраснела.

«О нет», – подумал я. Фрэнки никогда не ходил в библиотеку, поэтому у меня в голове не укладывалось, где эти двое могли встретиться.

– Верно, Фрэнки, – подтвердил я.

– Ты не знаешь, где в Санта-Софии живет твоя тетя?

– Верди-Вилидж, – ответил я, вспомнив, что рассказывал Фрэнки.

– Звучит знакомо. Кажется, это закрытая территория за воротами.

– Насчет ворот не знаю.

– Обычно в таких местах бывают поля для гольфа.

* * *

В Верди-Вилидж не было поля для гольфа. Или ворот. Или сверкающих бассейнов. Или теннисных кортов. Или декоративных фонтанов. Или асфальтированных дорог, если уж на то пошло. Санта-София была чистым пустынным городком, состоявшим в основном из охраняемых богатых кварталов.

Но позади торговых центров в миссионерском стиле, цветущих бугенвиллей цвета фуксии и разделительных полос из белого заполнителя и цветущих кактусов, за заброшенными железнодорожными путями, тысячи человек жили в квартале трижды перезаложенных разборных домов под названием Верди-Вилидж, размазанном по двум квадратным милям выжженной солнцем голой земли.

Первоначальные алюминиевые трейлеры двойной ширины с двускатными крышами выглядели обшарпанными, но в них хотя бы были электричество и водопровод, в отличие от второго слоя сооружений за ними – передвижных домов, проросших из семян, посеянных фирмами «Эйрстрим», «Коучмен» и «Фор Уиндз»¹. Еще дальше за ними бродяги соорудили беспорядочную «корочку» хижин и лачуг, укрытие для экономических беженцев, психически больных и байкеров. Местные называли этот район Жестяным городом.

На его опасных улочках росли дети, которые были не по возрасту опытные, но, увы, казалось, всегда учились слишком поздно. В Жестяном городе было чертовски жарко – он поставил большинство рекордов штата по температурам больше сорока. Я все еще чувствую запах невымытых тел и дважды пережаренных сосисок, сигаретного дыма и кошачьего дерьма и слышу недовольство, словно пробивающееся по радио сквозь помехи. Но больше всего я чувствую ветер, постоянно дующий через перевал Сан-Горгонию, полирующий землю и питающий заросли ветряков вдоль пустынных дорог.

Эти полосы прямых белых стеблей видны даже с восьми тысяч футов в гору. Потрясающий вид.

¹ «Эйрстрим», «Коучмен», «Фор Уиндз» – фирмы в США, производящие автодома. – *Здесь и далее примеч. перев.*

День первый

В ночь перед тем, как пойти на пик Ангела, я совсем не спал, но все же провалился в постели почти до полудня. Наконец я встал, натянул одежду и отыскал теплые шерстяные носки, которые Берд подарил мне за два Рождества до того. Я завязал шнурки походных ботинок – впервые за год – и потянулся за рюкзаком, висевшим на крючке у входной двери. Подумав, я повесил рюкзак на место. Воспоминания об этом моменте потом долго будут преследовать меня. Потому что я решил, что мне больше не нужны ни швейцарский нож, ни консервы, ни вода, ни одеяла, и мне не хотелось, чтобы все это пропало зря.

На станции «Пустыня» я ждал последней, как мне тогда казалось, поездки в гору на канатной дороге и, прислонившись к стене, разглядывал других пассажиров. Трех туристок, с которыми я заблудился в тот осенний день, я не знал, но каждую из них приметил по разным причинам еще до того, как наши судьбы переплелись. Нола, Вонн, Бриджет.

Нола, женщина с проникновенным взглядом голубых глаз и аккуратно уложенными седыми волосами, прошагала мимо меня в алом пончо, и я, помнится, подумал, что это яркое красное пончо, наверное, можно увидеть даже из космоса. На ней были добротные горные ботинки, а на плече висел черный рюкзак. В тонких руках она держала потрепанный путеводитель. Я принял ее за экскурсовода из парка, которые водят короткие походы по широкой долине у подножья остановки «Гора».

Она первой вошла в кабину, которая должна была доставить нас от пустынного кустарника к горным лесным дебрям, и заняла место у окна с видом на пустыню. Одним хочется видеть, куда они едут, другие любят смотреть, где они только что были. Она обернулась и заметила, что я смотрю на нее. Я смущенно отвернулся.

Вонн вошла в кабину следом за группой молодых людей, с которыми, как я предположил, она и путешествовала. До того я видел, как она листала книги по истории американских индейцев в сувенирной лавке. Она была красива: черные волосы и смуглая кожа, острые скулы и полные губы. На ней были штаны цвета хаки и синее полупальто, напоминающее бушлат, а на ногах – ярко-зеленые шлепанцы, при виде которых я заключил, что она вовсе не собиралась в поход.

Мой отец, Фрэнки, говаривал, что существуют два типа людей: те, кто замечает, и те, кого замечают. По его словам, я был из первых, а он – из вторых. Фрэнки описал бы внешность Вонн как экзотическую, как обычно поступают, когда не уверены в национальной принадлежности человека. Я предположил, что девушка принадлежит к смешанной расе – белая и латиноамериканка, или белая и афроамериканка, или латиноамериканка и афроамериканка. Она заняла место у окна, выходящего на пустыню, и отвернулась от спутников.

Бриджет вскочила в кабину за секунду до закрытия дверей и протиснулась в середину. Ее высокий светлый хвостик раскачивался при каждом повороте милой головки. Она была опасно худа, завернута в несколько слоев лайкры, теплая на вид ветровка с флисовой подкладкой была завязана на поясе, а на ногах красовалась пара дорогих на вид беговых кроссовок. Когда она потянулась мимо меня, чтобы ухватиться за поручень, я решил, что обязан подвинуться.

У нее при себе был голубой сетчатый спортивный мешок, в котором я разглядел кошелек, три бутылки воды и три зерновых батончика в обертке из серебристой фольги. Я принял ее за старшекурсницу из колледжа, но, когда она посмотрела на меня и улыбнулась, я увидел светло-голубые глаза женщины хорошо за тридцать. Возможно, я задержал взгляд на секунду дольше, чем требовалось.

Канатная дорога работала по принципу двойного маятникового движения, когда одна кабина спускалась с горы, другая поднималась вверх. Она была подвешена на двадцати семи милях связанных канатов, натянутых между пятью огромными башнями, закрепленными бол-

тами на скалистом склоне горы. У каждой из пяти башен кабинка перескакивала с одного каната на другой и раскачивалась, будто ярмарочный аттракцион, минуту или две, а то и дольше, если дул сильный ветер. Пассажиры получали незабываемые впечатления, особенно если ехали в первый раз. Когда мы приблизились к первой башне, я принял устойчивое положение. Женщина с хвостиком только что открыла бутылку с водой. Значит, новичок.

Кондуктор, которого я, к счастью, не узнал, объявил в микрофон:

– Приближаемся к первой башне. Дамы и господа, держитесь крепче, – и после театральной паузы добавил: – Будет качать.

– Что это значит? – спросила блондинка.

– Возьмитесь за поручень, – сказал я.

Но она меня не расслышала, потому что в этот самый миг раздался громкий удар, рывок, и кабина закачалась, а блондинка закричала, разлила воду и потеряла равновесие на мокром полу.

Подхватив ее под локоть, чтобы она не упала, я сделал вид, что мне не все равно.

Когда кабина перестала раскачиваться, плывя среди клочковатых серых облаков, женщина посмотрела мне в глаза.

– Мне кажется, я вас знаю.

– Я часто езжу по канатной дороге.

– Я раньше была на этой штуке только один раз и перед этим накачалась успокоительными, поэтому ничего не помню.

Я отвернулся, надеясь, что это поможет прервать разговор.

– Мне кажется, я вас знаю откуда-то еще.

– Нет.

– Не могу смотреть вниз. Сразу начинается... как это называют, когда в голове все начинает кружиться?

– Вертиго, – мрачно буркнул я.

– А еще так качать будет? – спросила она.

– Будет.

На другом конце кабины заплакал маленький мальчик. Он не боялся высоты и не испугался качки. Он плакал, потому что облака закрыли ему вид на пустыню. Я увидел, как пожилая женщина в красном пончо наклонилась и протянула плачущему мальчику свой бинокль. Она показала на разрыв в облаках, через который он мог разглядеть вдаль горный хребет Санта-Роза. Мальчик улыбнулся, и женщина улыбнулась ему в ответ.

Блондинка рядом со мной продолжала разговор.

– Вертиго... Мне не столько кажется, что я упаду, сколько я боюсь, что прыгну сама. Разве не странно?

– Странно, – подтвердил я.

Когда она повернула голову, чтобы оглядеть кабину, ее хвостик коснулся моего подбородка, обдав меня ее ароматом – смесью бергамота и имбиря, которая показалась мне подозрительно приятной.

– Не думаю, что снова решусь на это на трезвую голову, – произнесла она.

Я задрал нос, чтобы вдохнуть воздух, врывающийся через открытые окна и несущий терпкую нотку шалфея, а мы тем временем продолжали подъем.

– Так ужасно бояться, – женщина рассмеялась, чтобы скрыть тревогу.

Она была права.

Мое внимание привлекла смуглая девушка в зеленых тапочках, которая, похоже, пялилась на меня с другого конца кабины. Я не мог понять, чем вызвано ее внимание и выражение лица. Она злилась, и я даже представить себе не мог почему.

По выработавшейся за годы привычке я обернулся, чтобы спросить своего друга Берда. Это случалось раз сто за год, прошедший после несчастного случая с ним. Я оборачивался, чтобы поискать его. Брал в руки телефон, чтобы позвонить. Берд был мне не просто другом. Он был моим единственным другом. Моим братом. У нас с ним все было общее. Даже день рождения был один на двоих. «С днем рождения, Берд», – мысленно прошептал я.

Женщина качнула хвостиком, открыла оба глаза и подняла голову, чтобы выглянуть в окно.

– В таком тумане ничего не видно. Но оно и к лучшему.

– Точно, – буркнул я.

– А на горе можно купить воду? – спросила она и тут же вскрикнула – мы подъехали к следующей башне.

По мере подъема воздух становился холоднее. Я чувствовал запахи сосновой смолы и холодного цинка от осадочных пород, остатков морских организмов, костей, корней и измельченных семян – древние ароматы, лучше всяких слов говорящие о потере. Я пытался отключиться от звуков болтовни нервничающей женщины. Безуспешно.

– Я вчера вечером нарушила режим, – пожаловалась она. – Я готовлюсь к триатлону и сейчас готова убить себя за то, что вчера за ужином позволила себе выпить «Маргариту». У меня уже обезвоживание. Одной бутылки будет недостаточно. Мы уже приехали?

– Можно купить воду в сувенирном магазине, – ответил я, поборов желание поправить ее, потому что в ее сетчатом спортивном мешке на самом деле были видны две бутылки воды.

– Меня зовут Бриджет.

Мне не понравилось, как Бриджет изучает меня.

– А мы точно не знакомы? Вы здешний?

– Точно.

– Я выросла в нескольких милях отсюда, в Катедрал-Сити, но сейчас живу в Голден-Хиллс, – сказала Бриджет. – Вы знаете, где это? Недалеко от побережья. Знаете Малибу?

– Нет.

– Но я все еще часто приезжаю в пустыню. У мамы квартира в Ранчо-Мираж. Думала переехать обратно, но потом встретила одного человека. Я счастлива.

По виду Бриджет этого было не сказать. Я стал подумывать о том, чтобы начать двигаться к выходу.

– Он был агентом по недвижимости, продал мне дом в колониальном стиле на холме. Мы тренируемся вместе. Занимаемся триатлоном. Он меня моложе, намного моложе. Не то чтобы это имело значение. Пока женщина не достигнет определенного возраста. Когда будет следующая башня?

– Скоро.

Ухватившись за поручень, она указала на мою бейсболку.

– У меня второй муж был из Мичигана. Гросс-Пойнт. Тоже любил «Детройт Тайгерс».

– Следующая башня, – предупредил я, указав вперед.

Бриджет вскрикнула, когда кабина дернулась на стыке, и к тому времени, когда кабина перестала раскачиваться, едва не расплакалась.

– На следующих башнях так качать не будет, – произнес я, сжавшись над ней.

Я заметил, что девушку в тапочках начинает подташнивать, и надеялся, что ее не вырвет прямо в кабине. Она покрепче вцепилась в поручень и устояла в пол, когда мы приблизились к следующей башне. Ветер ударил с огромной силой и начал трясти нас. Бриджет снова закричала. И не только она.

Когда мы наконец остановились на станции «Гора», от криков Бриджет у меня уже раскалывалась голова. Я со всех ног бросился к выходу, едва открылись двери кабины, и убежал, не оборачиваясь, хотя слышал, как она кричит мне вслед: «До свидания!»

Когда остальные туристы остались далеко позади, я сбавил шаг и углубился в лес. Увидев низкие густые тучи, я испытал облегчение, потому что знал, что в этом случае пеших туристов на горе будет меньше. Кому захочется ползти в гору, если в конце он не сможет насладиться великолепным видом? Думаю, если восхождение вызывает к нашей воле, то вид – к душе.

По мере того как я шел среди высоких хвойных деревьев по рекам раздробленных камней мимо массивных белых плит скальной породы, искусно разложенных в произвольном порядке самой природой, небо начало темнеть. Я шел к заброшенной тропе, которая должна была привести меня вниз через небольшой луг и по высеченным в камне ступеням к изящному двадцатифутовому утесу – к месту, которое мы с Бердом называли пиком Ангела.

Обычно мне нравилось ходить быстрым шагом, но в тот день я запыхался, тяжело таща вперед свое преждевременно умершее тело и думая не о конце собственной жизни, а обо всем том, что составляло меня – обо всех «до» и «после», которые привели меня к этому моменту.

* * *

«До» Фрэнки накачался дорогой текилой вечером на Хэллоуин и не справился с управлением своего «Гремлина» на темной пустынной дороге – мой отец был рискованым человеком с большой тягой к выпивке. «После» он отправился за решетку, а двое молодых людей погибли.

После трагедии на Хэллоуин Фрэнки ненадолго угодил в больницу. Он отказывался видеться там со мной. Одна из медсестер сказала мне, что он даже записки мои не читал. Через пару дней его увели в наручники. Я поехал на автобусе в тюрьму, но и там Фрэнки отказался видеться со мной. Он никак не пытался со мной связаться. Я и так уже стоял на краю пропасти после того, что случилось с Бердом. Фрэнки подтолкнул меня через край.

Я решил покончить с жизнью в свой день рождения – я видел в этом своего рода извращенную дань памяти Берду и моей матери. Гора была самой подходящей для этого обстановкой, а пик Ангела – самым значимым местом. После Хэллоуина я начал считать дни. Прошла неделя, потом другая, потом я услышал, что Ларк Диас собирается вернуться в Санта-Софию на выходные, чтобы стать свидетельницей на свадьбе своей подруги.

Ларк Диас никогда не была моей девушкой, но она была девушкой моей мечты, и мысль о возможности снова увидеть ее дала мне надежду. Я представлял себе эмоциональное воссоединение и создал в голове сотню сценариев, заканчивавшихся поцелуем. Но в день приезда Ларк не ответила ни на один из дюжины моих звонков в дом ее отца. Ее не оказалось дома, когда я пришел туда сам. Она избегала меня на каждом шагу, пока я не проехал на мотоцикле двенадцать миль до церкви в день свадьбы.

Я увидел ее издалека. Она сидела на перилах беседки на холмике посреди лужайки перед церковью, одетая в пышное зеленое платье в пол. Ее темные волосы были заколоты высоко, а шея и плечи – обнажены. Я потерял всякое чувство осторожности.

– Ларк, – окликнул я ее, приближаясь сзади.

Она не обернулась, но по тому, как она напряглась, я понял, что она меня услышала.

Беседка была выше того места, где стоял я. Позади нее были свалены ящики с каким-то оборудованием. Я не мог подойти ближе.

– Ларк, ты получила мои письма?

Она просто сидела.

– Ты прочитала их? – собственный голос звучал для меня как-то странно.

Она покачала головой.

– Все в порядке. Я просто хотел, чтобы ты знала... Ларк?

Она снова покачала головой.

– Я люблю тебя! – крикнул я, едва не оглохнув от стука собственного сердца. – Я люблю тебя!

Ларк слезла с перил беседки и медленно повернулась ко мне. При этом она сделала шаг влево, и я увидел несколько десятков гостей, собравшихся на лужайке и с жалостью смотревших в мою сторону.

– Волф, – просто сказала она.

Ее голос отразился от церковной стены вдалеке. Микрофон, возле которого она стояла, был включен и разнес вокруг все, что я сказал.

* * *

Происшествие с Бердом. Тюремное заключение Фрэнки. Унизительная сцена с Ларк. Я не мог отделаться от ощущения, что истекаю кровью и оставляю за собой липкую алую дорожку, пока карабкаюсь через перевернутые валуны к небольшой купе молодых гибких сосенок, от которой начиналась заросшая тропа к пику Ангела.

Длинная колючая ветка каштана, возникшая словно из ниоткуда, вцепилась в нейлоновую ткань моей куртки, и, остановившись, чтобы отцепить рукав, я с удивлением заметил вдалеке за деревьями крадущуюся девушку в зеленых тапочках. На долю секунды я польстил себе тем, что эта редкая горная кошка преследовала меня. Мне стало интересно, с чего это она отправилась в поход в такой странной обуви и где ее друзья с канатной дороги.

Мы с Бердом редко видели людей, которые ходили бы в поход поодиночке. Иногда можно было встретить одинокого любителя понаблюдать за птицами, но они обычно не выходили из долины. Они находили местечко в стороне от тропы, садились на пенек или складной брезентовый стул, доставали бинокли и термосы с томатным супом и надеялись, что кто-нибудь остановится поболтать с ними на пути к горе. Мы с Бердом? Мы всегда останавливались. У нас всегда было больше общего с пожилыми любителями птиц, чем с ровесниками.

Я нырнул на тропинку среди деревьев, карабаясь через камни и поваленные стволы. В лесу было тихо, и девушка исчезла. Я решил, что в такой обуви она устала и вернулась к станции или нашла друзей, с которыми села на канатную дорогу. Больше я об этом почти не думал, потому что гора отвлекала меня, забывая обоняние ароматом ирисок, исходящим от сосен Джеффри, и посылая певчих птиц и цикад приветствовать меня. Я не был здесь после происшествия с Бердом и дрожал от стыда, думая о цели своего возвращения.

Белоголовый дятел отстукал приветствие при моем приближении. Я заметил щегла, плясавшего на кривой ветке церкокарпуса. Другой щегол пел в сахарных соснах. Мне показалось, что они каким-то образом прознали о моих намерениях и собрались здесь, чтобы отговорить меня.

Вскарабкавшись по ступеням из кварца с черными прожилками, я уловил аромат лаванды, который донес до меня с востока сильный ветер. Лаванда растет в горах, но не на таких высотах. Во всяком случае, прежде я ее не чуял. Желание узнать, почему здесь пахло лавандой, заставило меня поднять голову и посмотреть сквозь деревья. Я заметил что-то большое и красное – пожилую женщину в алом пончо с канатной дороги. Она шла, раздвигая ветви руками, на некотором расстоянии от главной тропы.

Спрятавшись за кустами, я увидел, как она подняла бинокль. Мне на секунду пришло в голову, что она могла заблудиться, но я убедил себя в том, что она – просто опытная любительница птиц, решившая отдохнуть. Меня ждал пик Ангела. Красное Пончо была сама по себе.

Потом ветки огромного куста восковой смородины за ее спиной закачались, и я с удивлением увидел, как появилась блондинка с хвостиком. Бриджет. Значит, пожилая женщина, наверное, все же была гидом. Бриджет пила воду из бутылки, которую достала из синего сетчатого мешка, а пожилая женщина вынула из рюкзака побитую желтую фляжку.

При виде желтой фляжки у меня перехватило дыхание. У Берда была точно такая же – я купил ее в сувенирном магазине на канатной дороге и подарил ему. Услышав даже с такого рас-

стояния, как металлическая крышка проворачивается по резьбе на горлышке фляги, я почувствовал, как у меня заурчало в животе. Сам того не осознавая, я бросился прочь сквозь деревья.

Бриджет заметила меня.

– Ой! Эй! Вы, там! – крикнула она мне вслед.

Я спешил уйти подальше, притворяясь, что не слышу ее, в поисках пути к пику Ангела, который, насколько я помнил, шел слева от гранитного выступа, видневшегося впереди, и между двух огромных выветренных валунов. Валуны я нашел довольно быстро, но меня сбили с толку несколько больших стеразотовых кустов², выросших в начале тропы. Ни обойти, ни пройти насквозь. Я на минуту застыл на месте, ошеломленный запахом раскидистого куста, становившимся еще более терпким от опускавшегося вокруг тумана. Потом порыв ветра швырнул камфарный запах прямо мне в нос, и я начал неудержимо чихать.

Потянувшись к рюкзаку за ножом, я был уверен, что смогу прорубить себе дорогу, но вспомнил, что и нож, и рюкзак я оставил дома.

Пожилая женщина в красном пончо, должно быть, услышала, как я чихаю, потому что начала кричать:

– Молодой человек?! Молодой человек?!

Я огляделся по сторонам в поисках молодого человека, к которому она обращается, и понял, что она имеет в виду меня.

Я вырос высоким, как Фрэнки, и широкоплечим от гантелей, которые поднимал в одиночестве в своей комнате под мотаун³. Музыкальные вкусы я унаследовал от своего старика.

Я попытался не обращать на женщину внимания, но она продолжала звать меня.

– Молодой человек! Пожалуйста! Нам нужна помощь!

– Вы потеряли тропу! – крикнул я в ответ, направляясь к ним.

– Я пытаюсь найти озеро. Тайное озеро, – она окинула взглядом безмолвный лес.

Тайное озеро было нашим с Бердом местом.

– Его нет на схеме тропы, – заметил я.

– Да, я знаю, – ответила пожилая женщина.

– О нем немногие знают, – сказал я, подходя ближе.

– Да, я в курсе.

Под красным пончо на ней была толстая куртка, а под ней – плотный свитер с высоким воротом. Вблизи запах лаванды был еще сильнее. Она, должно быть, заметила, что я принимаюсь.

– А! – рассмеялась она. – Это моя лаванда.

Женщина достала из кармана куртки маленькую шелковую подушечку.

– Всегда ношу ее с собой. Прогоняет насекомых, когда ты в помещении, и заставляет их держаться подальше, когда ты на улице.

Никогда раньше не доводилось слышать о поверьях, что лаванда отгоняет насекомых, но звучало вполне правдоподобно.

– Откуда вы знаете о Тайном озере?

Бриджет, бегавшая на месте по подушке из опавших сосновых иголок поодаль, нелепо тряс хвостиком, померила пульс.

– Нужно идти дальше, – сказала она.

– Озеро нашел мой муж. Там растет редкий цветок. Поэтому мы и сошли с тропы.

– Ладно.

² Местное название трехзубчатой или большой полыни (*Artemisia tridentata*), которая может разрастаться в кусты высотой до 2,5–3 метров. Растение издает сильный запах камфары, особенно во влажную погоду.

³ Мотаун – поджанр ритм-энд-блюза 1960-х, популяризированный одноименной звукозаписывающей студией.

Я не стал говорить ей, что уже знаю о горном флоксе, находящемся под угрозой исчезновения.

– Не хочется наступить на что-нибудь, чему грозит исчезновение.

– Верно.

– Я много раз там бывала, – объяснила женщина. – Просто... дорогу всегда показывал муж. Он никогда не сбивался с пути.

– Ну, вы очень сильно ушли в сторону.

– Так я и думала, – вставила Бриджет.

– Как ты могла так думать, если никогда там не бывала? – вежливо спросила старшая из женщин.

– Шестое чувство, – ответила Бриджет. – Мне просто казалось, что мы идем не туда.

У меня не было времени на долгие разговоры.

– Возвращайтесь тем же путем, которым пришли, потом возьмите к северу и немного к востоку и выйдете снова на тропу. Пройдите по ней полмили или около того, а потом по короткому склону к западу от небольшой избушки лесника и вниз через черные дубы.

– Я знаю избушку лесника, – сказала женщина.

– За ручьем и большими валунами немного на север будет такая скала... – сказал я, умолчав о том, что мой друг Берд называл это фаллическое образование «Циркумцизио Гигантеско». – Она похожа на... башню. Вы не ошибетесь. Примерно в полумиле оттуда...

– Башня! Ее-то я и искала! Думала, мы уже должны были к ней выйти.

– Оттуда на северо-восток через небольшой луг и за большие валуны прямо вперед и вокруг короткого кряжа. Понятно?

– Да... – неуверенно протянула она, взглянув на спутницу.

Никто из них не понял моего объяснения. Я показал на мрачающее небо.

– Послушайте, Тайное озеро отсюда в добрых полутора милях, а через несколько часов стемнеет. Наверное, вам стоит поискать его в другой день.

Парочка гладких черных воронов уселась на ветку неподалеку, и по тому, как они каркали, глядя в нашу сторону, можно было решить, что они пытаются предупредить нас. Тучи висели так низко и были такими густыми, что, когда птицы захлопали крыльями, они скрылись из виду раньше, чем достигли верхушек сосен.

– А почему бы вам не отвести нас? – предложила Бриджет. – Вы могли бы нас проводить?

– Да, вы не могли бы? – вторила ей пожилая женщина. – Мы вам заплатим. Конечно же, мы вам заплатим.

Она открыла большой черный рюкзак.

Я увидел, что, кроме кошелька, рюкзак содержит китчевый зимний свитер из белой шерсти и большую пластиковую банку арахисового масла. Я подумал, что она собиралась приманивать животных, чтобы сфотографировать. К нашему стыду, мы с Бердом так иногда делали. Но я не видел фотоаппарата.

Она помахала купюрой.

– Двадцать долларов? Это все, что у меня есть. Но я могу прислать вам чек. Сколько вы возьмете за час?

Я не стал тратить время на объяснения, что я – не проводник по горам. Я просто покачал головой и пробормотал: «Извините», а потом, не оглядываясь, пошел своей дорогой.

Я снова вышел к разросшимся стеразотовым кустам, закрывавшим мне путь к пику Ангела. Не переставая чихать, я принялся ломать ветки голыми руками, браня себя за то, что оставил рюкзак дома на крючке.

Звук смеха, знакомого баритонального хохота, заставил меня остановиться, и я услышал голос Берда, называющий меня по имени: «Вилфред». Я уже не в первый раз слышал голос Берда в свисте ветра, или произнесенный шепотом сквозь припев песни, или зовущий меня

в темноте. Я огляделся в поисках его, но вместо этого увидел, что женщины пошли не в ту сторону.

Бриджет вела женщину в красном пончо левее, чем указывал я, прямо к крутому обрыву, скрытому невысокой стеной кустов толокнянки и шалфея.

Я бросился обратно через деревья.

– Эй! Вы не туда идете! Эй! – но из-за ветра меня не было слышно. – Эй!!!

К счастью, они меня наконец услышали и остановились. Я еле дышал, когда добрался до них.

– Не туда. На север, а вы идете на запад.

– Она забыла компас, – закатила глаза Бриджет.

Я не повел их к кустам, чтобы показать смертельный обрыв. Хотя, наверное, стоило это сделать.

Пожилая женщина робко улыбнулась.

– Можете просто сказать, направо или налево?

– На самом деле, вам лучше вернуться на станцию. Почему бы вам не прийти сюда завтра и не начать поиски пораньше?

– Я заплачу вам вдвое больше вашего тарифа, – тихо сказала пожилая женщина.

– Я не...

– Втрое! Я заплачу втрое больше тарифа! Но вам придется поверить мне на слово, что я вышлю вам чек по почте, когда вечером вернусь домой.

– Да не нужен мне ваш чек.

– Назовите вашу цену.

– Почему бы вам просто не вернуться завтра?

– Нам нужно именно сегодня, – сказала Бриджет.

– Сегодня моя годовщина. Годовщина моей свадьбы. Это нужно сделать сегодня.

По выражению ее лица и отсутствию рядом мужа я понял, что тот недавно умер.

– Мы сорок лет каждый год приходили сюда отмечать день нашей свадьбы.

Бриджет вздохнула. Я не мог понять, было это выражением сочувствия или нетерпения.

– Если вы не отведете нас, мы можем заблудиться, – сказала женщина. – Вам же не хочется, чтобы это осталось на вашей совести, верно?

Она была права. Мне не хотелось, чтобы это осталось на моей совести. Маминой ДНК во мне оказалось достаточно, чтобы передать мне некоторые черты ее характера. (Моего отца нельзя было назвать бескорыстным человеком.) Как я мог отказать? Как я мог сбросить эту смертную оболочку, если последним моим действием стал бы отказ в просьбе о помощи?

– Я отведу вас на Тайное озеро, но с вами не останусь. Возвращаться на станцию вам придется самим, – сказал я.

– Ваша мать воспитала джентльмена, – улыбнулась она. – Меня зовут Нола Девайн.

– Бриджет, – напомнила мне женщина с хвостиком.

Слишком сердитый, чтобы представиться, я прошел мимо них и двинулся вперед, стараясь не обращать внимания на Бриджет, скачущую козой с валуна на валун где-то на периферии моего поля зрения.

Я повел женщин обратно мимо отцветших полевых цветов и через пеструю серую каменную реку меж сахарных сосен. Помню, мне стало немного любопытно, какое отношение Красное Пончо имеет к худышке Бриджет, но не настолько сильно, чтобы спрашивать. Думаю, мне не хотелось рисковать быть снова втянутым в разговор.

Пока мы ломились вперед через кусты, Нола тихо напевала. Не помню, что это была за песня. Думаю, что-то из Стиви Уандера. Мне понравилось вибрато в ее голосе и то, как легко и вольно она обращалась с текстом. Она напомнила мне Фрэнки и то, как он вечно ошибался в тексте, пытаясь подпевать мотауну по радио в кухне. Я мысленно подпевал, пока не начал

беспокоиться, что нежные воспоминания об отце могут ослабить мою решимость добраться до пика Ангела.

– Не стоит тревожить животных, – прошептал я, подняв палец, чтобы она замолчала.

– А разве мы не должны шуметь в лесу? – спросила Нола. – Чтобы отпугивать медведей?

– Так высоко вы медведей не увидите, миссис Девайн, – ответил я.

Но подумал, что остаются еще кугуары, рыси и койоты.

В голове снова возник мой друг Берд, и в моих мыслях мы снова были мальчишками, идущими к Тайному озеру.

* * *

– А медведи там есть? – спросил я у Берда, когда мы в первый раз садились на канатную дорогу в Палм-Спрингс. Мне еще не было и четырнадцати. – Где ты видел снежного барана? Видел хоть раз кугуара?

Кабина двинулась, мы оторвались от земли, и у меня свело живот, а Берд, с которым я подружился всего за несколько дней до того, превратился в силуэт на фоне белой, как кость, пустыни.

Я не мог скрыть дрожь, когда кондуктор наклонился к трещащему микрофону, чтобы предупредить нас, что сейчас будет качать. Глядя на тень кабины, плывущую по осыпи скальных пород, заросшей карликовым дубом, я слишком хорошо осознавал, что от падения на острые осколки гранита нас удерживает только шестидюймовый канат.

Когда мы подъехали к первой башне, я закричал. Берд смеялся так сильно, что его едва не стошнило, и остальные пассажиры в битком набитой кабине тоже еле сдерживали усмешки и хохот. Даже кондуктор. Даже старик в очках, стоявший рядом с нами.

Когда мы подъезжали к следующей башне, я заметил, что старик наблюдает за мной сквозь толстенные линзы очков. Похоже, ему нравилось наблюдать за моим испугом. Я вцепился в поручень и закрыл глаза. Нас закачало. Я удержал равновесие. И не закричал. Берд по-братски хлопнул меня по плечу. Старик разочарованно фыркнул.

Я почувствовал, что ветер за открытым окном становится холоднее. Я уловил запах Мичигана – хвойные деревья, холодная земля, мокрые камни и зеленый виноград. Перед очередной башней я снова взялся за поручень покрепче, а следующие башни и вовсе уже едва замечал. Потом я повернулся лицом к скале, потому что захотел видеть, куда я еду, а не откуда.

На середине подъема, перед субальпийским поясом, я почуял запах камфары, от которого тут же начал чихать. Берд улыбнулся, увидев, как я наклоняюсь к старику, чтобы тайком понюхать его плечо.

– Это ты стерзот учуял, – сказал он. – Покажу его тебе, когда поднимемся наверх. Совсем не пахнет, пока сухой, но стоит намочить – и сразу как в аптеке.

Я снова чихнул.

Далеко внизу я заметил красную бейсболку, висевшую на ветке засохшего дерева, и снял с головы свою кепку «Детройт Тайгерс». Мне не хотелось, чтобы она слетела.

– Там кто-то шапку потерял, – сказал я.

Берд посмотрел в ту сторону, куда я ткнул пальцем.

– Это кепка Джека, – он покачал головой. – Уже несколько лет там висит.

– Он ее уронил, когда ехал по канатной дороге?

– Не совсем, – он понизил голос и указал на крутой склон горы. – Однажды Джек опоздал на последний рейс вниз – зашел дальше, чем следовало, и вернулся позже, чем думал. Он испугался, когда не смог попасть на станцию. Джек был довольно опытным туристом, молодым и в отличной форме, поэтому решил, что будет спускаться с горы между башнями канатной дороги, чтобы не сбиться с пути в темноте. Он начал спускаться, но недооценил крутизну

склона и стал сползать вниз дюйм за дюймом, тормозя каблуками, а попросту – съехал по склону до самого низа.

– Но он же почти отвесный.

– Вот именно. Поэтому к тому времени, когда он почти добрался до низа, от штанов и трусов у него остались одни воспоминания – их сожгло трением, а задница превратилась в кровавое месиво. Подошвы ботинок отвалились, а каблуки стерлись до самых пяток. Он съезжал всю ночь, потом еще шесть часов и, наконец, добрался до подножья и отрубился в густом кустарнике. Всю задницу себе стер. Seriously – ему потом несколько лет делали пересадки кожи, но до конца все так и не зажило, и он до сих пор на левой половине сидеть не может. Я тебе его как-нибудь покажу. Он часто бывает в кофейне возле музея и всегда сидит вот так, – Берд показал, как именно.

– То есть мораль этой истории – не доверяй инстинктам? – спросил я.

– Это просто история. Что случилось, то случилось, и теперь я тебе это рассказываю, – улыбнулся Берд. – Не люблю морали.

На горе мы выскочили из кабины и побежали к обзорным площадкам, с которых зачарованно наблюдали за бескрайней белой пустыней и размытой полоской там, где она встречалась с голубым небом. Под нами блистал Палм-Спрингс. Издалека нам махали целые сады ветряков. Далеко за раскинувшимся городом пыльный росчерк показывал границу Санта-Софии и Жестяного города. Берд показал на юго-восток и прищурился.

– Видишь, вон там – Солтон-Си?

Я увидел его, словно мираж: бледное озеро, похожее на лист бумаги, почти в семидесяти милях от нас. От разреженного воздуха у меня кружилась голова.

– Река Колорадо прорвалась туда сотни лет назад и заполнила впадину. Бах – и появилось озеро! Вокруг него вырос курорт, но потом озеро высохло и стало соленым, и люди ушли. Теперь оно похоже на город-призрак. Озеро-призрак. Старые трейлеры, до половины ушедшие в грязь, остатки кемпингов, ржавые машины. Ты веришь в призраков?

– Нет, – соврал я. – А ты?

– Только в тех, которых видел сам, – ответил он.

Берд называл желание покорять вершины «синдромом царя горы». В акте восхождения он видел символизм.

– Ты должен насладиться видом с вершины, – сказал он.

– Идем!

– Сегодня уже поздно, чувак. Да и ты не в форме.

– Я в форме!

– Слабый – значит, не в форме.

Я уже какое-то время питался всякими перекусами и докуривал чужие окурки, так что, думаю, он был прав.

– Сейчас ведь всего три часа, так? Я справлюсь.

– Добраться до вершины – это только полдела, – напомнил Берд. – К тому же нельзя идти в горы в этих дешевых кедах. Тебе нужны ботинки. Обувь – первое, о чем нужно позаботиться. Разве ты еще этого не усвоил? Seriously? В это время года случаются грозы, и нужна теплая одежда и хорошие ботинки. От дождя камни становятся скользкими. Снег. Не в июле и августе, конечно, но все же. Не хочется получить обморожение... Нет, нужно название получше! Такое, которое перепугает тебя до смерти, чтобы ты никогда не рисковал.

– Некродактилия, – выпалил я.

– Некродактилия! – мой друг улыбнулся – ему понравилось слово. – Идем.

– На вершину? – спросил я.

– В другое место. Тайное.

В тот первый поход с Бердом я и составил в голове карту пути к Тайному озеру, когда мы перепрыгивали через узкий ручеек и по пояс в траве брели по круглой лужайке, потом карабкались по пятнистым гранитным валунам, спускались с другой стороны, мимо Циркумцизио Гигантеско и снова вверх на небольшое плато, потом через наваленные груды камней и поля хрустящего под ногами кремня. Наконец мы пришли на место и увидели волшебный оазис под послеполуденным солнцем. Я бы поверил даже в то, что в соснах пляшут эльфы, а по волнам оленьей травы катаются феи. Свет здесь был совсем другой – рассеянный и неясный. Озеро кипело жизнью.

– Тайное озеро, – сказал Берд. – Его нет на туристических картах.

– Класс! – выдохнул я.

Берд остановился, широко расставив ноги в оленьей траве, закрыл глаза и велел мне сделать так же.

– Плиты двигаются. Ты чувствуешь?

– Кажется, да.

– Мой дядя Харли говорит, что чувствовать это – дар.

– Я что-то чувствую, – не хотелось, чтобы Берд счел меня лишенным дара.

Потом Берд подвел меня к невысоким остролистным кустикам с белыми цветами, которые росли на западной стороне небольшого овального озера.

– Это исчезающий вид, – сказал он. – Горный флокс. Поэтому озера и нет на картах. Он тут повсюду, так что смотри под ноги.

Берд не был бы так серьезен, даже если бы предупреждал меня о минах.

– Откуда ты о нем знаешь?

– Дядя научил меня всему, что знает сам, – сказал Берд, а потом добавил: – А он знает все.

После этого он отвел меня к длинной гладкой гранитной плите с подветренной стороны от воды, откуда мы могли наблюдать за озером с возвышения. Но прежде чем мы сели, Берд показал мне опасный обрыв в ее конце. Я понял, что это – еще одно место, где мне нужно смотреть под ноги. Судьба неблагоприятна к беспечным.

Сидя на прохладном разреженном воздухе и глядя на волнующиеся воды этого секретного озера, мы пили из старой камуфлированной фляжки Берда с вмятиной на горлышке и железным привкусом в воде. Я решил, когда мы вернемся на нижнюю станцию канатной дороги, купить ему новую фляжку – тем утром Фрэнки, терзаемый чувством вины из-за того, что был плохим отцом, подарил мне пятьдесят долларов из своих покерных выигрышей. В сувенирном магазине я видел огромную стойку с желтыми фляжками. Не знаю, почему мне в голову не пришло, что этот жест может не подходить мужчине или может быть неверно истолкован, но я об этом не подумал.

– Нам нужен бинокль, – сказал я.

– У меня есть. Возьму с собой в следующий раз. Еще нам нужен приличный фотоаппарат. На снимках дикой природы можно неплохо заработать. У меня есть только старый «полароид».

Мы наблюдали за возней бурундуков в высокой траве. Я не замечал ни беркута, ни ястреба Купера, ни белоголового дятла в окружающих соснах, пока Берд не показал на них. Наклонившись навстречу ветру, я уловил запах койотов, и обонятельная память тут же связала его с катастрофическим походом с отцом в Траверс-Сити, когда мне было восемь.

Повернувшись на запах, я заметил пару диких псов, облезлых и тощих, вовсе не похожих на тех упитанных щенков, которым мы кидали сосиски в лагере. Берд тоже их увидел – звери разглядывали нас с дальней стороны зарослей шалфея. Один из койотов схватил зубами воздух, прищурился и облизнулся, а потом вместе с приятелем скрылся ниже по склону.

– Койоты, – улыбнулся Берд. – Мой народ.

– И мой, наверное, тоже, – сказал я.

Берд увидел, что я заметил выпуклость в его левом носке. С ухмылкой он вытащил оттуда довольно большой швейцарский армейский нож.

– Класс, – произнес я. – А зачем он?

– Зачем?

– Что ты им делаешь?

– Все. Колю щепки на растопку, открываю банки, свежую кроликов.

– Ты свежуешь кроликов? – я не мог решить, вызывает ли у меня это известие восторг или отвращение.

– Я бы мог, – сказал он и в подтверждение остроты лезвия поцарапал им свой ноготь.

– Ты убивал с его помощью? – спросил я.

– Я бы мог, – пообещал Берд.

– Если бы был голоден?

– Если бы был голоден. Или если бы животное умирало. Если бы у птицы было перебито крыло.

– Ты бы убил птицу с перебитым крылом?

– Конечно.

– Ножом?

– Голыми руками, если бы пришлось.

– Я бы никогда не смог.

– Ты бы смог, – сказал он. – Нужно делать то, что должен.

У нас ушло несколько месяцев посменной работы на заправке (куда меня нанял опекун Берда, его дядя Харли Диас), чтобы накопить деньги на камеру, штатив и объектив, которые, как мы надеялись, принесут нам деньги и славу в качестве фотографов дикой природы. Мы с Бердом сделали сотни фотографий за те дни, что проводили на Тайном озере. Иногда мы работали с камерой по очереди, но обычно я был фотографом, а Берд наблюдал и вел учет замеченным нами зверям: сотни оленей, семнадцать полосатых скунсов (или один и тот же скунс семнадцать раз), шестнадцать сусликов, семьдесят три карликовые лисицы, полевка (во всяком случае, мы думали, что это полевка), сотни бурундуков, оленьих мышей и древесных крыс, десятки филинов, беркутов, ястребов и соколов, сотня дятлов, пересмешников и соек, красивых желтых танагр, воробьиных сычей, зябликов, дроздов и прочая, и прочая.

Однажды мы сидели на каменной плите у Тайного озера, когда Берд услышал треск, словно от работающей поливалки на газоне, и показал в место под кустиком полыни, где свернулась огромная гремучая змея. Я чуть не обмочился, когда шестифутовая змеюка широко раскрыла пасть и я увидел последние подергивания исчезающего в ее глотке хвоста древесной крысы. Мне не хотелось, чтобы Берд увидел, что я трясусь. Он казался бесстрашным. К тому же он очень хотел сфотографировать змею крупным планом, как и я.

Мы осторожно и тихо спустились с камня.

– Нужно сфотографировать ее с открытой пастью, – спокойно произнес Берд.

Я начал красться дюйм за дюймом, трясаясь от страха, поднял камеру и наконец поймал змею в объектив. Я уже собирался сделать снимок, когда змея вскинула хвост и затрясла погрешкой. Выронив камеру, я бросился прочь через высокую траву. Когда я перестал кричать и перевел дыхание, то услышал громкий смех Берда, отражавшийся от камней. Он завывал так, будто ничего смешнее в жизни не видел. Потом комизм ситуации дошел и до меня, и я тоже от души рассмеялся.

В среднем мы проводили на горе не меньше двадцати часов в неделю и все это время ни разу не видели на Тайном озере других людей, кроме того памятного вечера, когда мы убедили пару девчонок из колледжа сходить туда с нами.

Меня поразило, что в этот самый день, год назад, мы с Бердом и теми двумя девчонками, должно быть, разминутись с Нолой и ее мужем, отмечавшими годовщину свадьбы в последний раз.

* * *

В день, когда мы заблудились, я вел Нолу и Бриджет через сосны, и с каждым шагом мне становилось все тревожнее. Мне совершенно не хотелось снова увидеть Тайное озеро. Для Нолы оно могло быть полно ностальгических воспоминаний, но для меня это было место преступления.

Я шел быстрым шагом, но Бриджет со своим хвостиком легко держалась со мной наравне.

– Это ведь очень большая высота? – спросила она.

– Восемь тысяч футов.

– А на такой высоте люди страдают от недостатка кислорода или нужна высота как на Эвересте?

– Да.

– Даже на такой высоте? – уточнила она.

– И даже на меньшей.

– Головокружение? Тошнота?

– Да.

– Я ничего подобного не чувствую. Кажется, разреженный воздух мне подходит.

В Бриджет все было тонким, кроме волос и, наверное, губ. Неудивительно, что тонкий разреженный воздух ей подошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.